

НОВОЕ РУССКОЕ СЛОВО

New York
Public Library
5th Ave. & 42 St.
New York 18, N.Y.

NOVOYE RUSSKOYE SLOVO, 243 West 56th Street, New York 19, N. Y.

Последние дни Гоголя

В юбилейных статьях о Гоголе много, конечно, писали о его болезни и последних днях жизни; спор этот ведется уже сто лет и вряд ли когда-нибудь будет окончательно разрешен. Для одних — Гоголь был душевно-больным человеком, который умер в «нервическом» состоянии, уморив себя голодом. Для других — Гоголь был человеком, страдавшим застарелым катаром желудка... («В брюхе, кажется, сидит какой-то дьявол»), и умер он от последствий этого катара, осложненного острым малокровием и общим истощением организма.

Есть специальные труды о болезни Гоголя, — в частности чрезвычайно обстоятельная работа проф. Н. Баженова, который заключал, что писатель «скончался в течение приступа периодической меланхолии от истощения и острого малокровия мозга». Чтобы получить некоторое представление о том, каким образом Баженов пришел к этому выводу (с которым, впрочем, не соглашались многие биографы Гоголя), нужно вспомнить все обстоятельства последней болезни и смерти автора «Мертвых Душ».

Под новый, 1852 г., Гоголь встретил на улице доктора Гааза и в тот на своем домашнем русском языке его «поздравил и пожелал ему по ошибке не счастливого Нового, а «вечного» года. Случай этот произвел на мистически настроенного Гоголя страшное впечатление. Он задумался и начал избегать доктора Гааза. Жил в эту зиму Гоголь на квартире у своего друга, графа А. П. Толстого, также очень религиозного человека. А. П. Толстой и свел Гоголя с пресловутым священником-изувером о. Матвеем Константиновским, который сыграл роковую роль в настроениях Гоголя и в последнем с ним свидании потребовал, чтобы тот «отрекся от Пушкина», который был «грешник и язычник».

В начале февраля 1852 года в жизни Гоголя произошли два события, которые вызвали острый припадок его последней болезни. Умерла Е. М. Хомякова, сестра близкого друга Гоголя Яшикова. Со дня

ее смерти Гоголь начал усиленно молиться. Сам читал Псалтирь над покойной, начал много думать о смерти. Как раз в это время из Ржева приехал отец Матвей. Начались долгие беседы, во время которых священник резко обличал все земное и плотское. Гоголь ворил, что нужно всячески удерживать себя в пище и во сне, ибо силы человеку не нужны, а физическая немощь не должна удерживать от поста. Слова эти падали на благоприятную почву. Гоголь и раньше пытался морить себя голодом, но не выдерживал, быстро слабел. «Нередко начинал я есть постное по постам, но никогда не выдерживал: после нескольких дней пощения я всякий раз чувствовал себя дурно и всякий раз убеждался, что мне нужна пища питательная». На этот раз о. Матвей настоял, и был он в своих беседах так страшен, что Гоголь не выдержал и однажды зашпентал:

— Довольно, оставьте, не могу больше слушать, слишком страшно!

О. Матвей уехал в Ржев 5 февраля. Гоголь уже за день до его отъезда начал говеть и ограничил свою пищу и сон, — хотя Великий Пост еще не наступил и дело было на Масленице. Вставал он до света, отправлялся в церковь, выстаивал долгую службу. Ел по совету своего духовного наставника «холодильную водичку с хлебом», или капустный рассол, да и то самую малость. 7 февраля Гоголь приобщился и за весь день съел одну только просфору, но и за это назвал себя «обжорой, окающим, нетерпеливым, сокрушался сильно».

8 февраля ночью слышал голоса, счел себя умершим. По-видимому, это были галлюцинации, которыми страдал Гоголь и раньше, — галлюцинации эти приводит проф. Баженов, как один из бесспорных признаков нарушения душевного равновесия. «Вам, без сомнения, когданибудь случалось слышать голос, называющий вас по имени, который простолюдинам объясняют тем, что душа стесковалась за человеком и призывает его, и после кото-

рого следует неминуемая смерть», гисад Гоголь в «Садорских помещиках», описывая концы Афанасия Ивановича. «Приглаюсь мне вседневный страшен этот таинственный зов. Я помню, что в легком и часто это слышал: иногда вдруг издали меня кто-то внезапно произносил мое имя. День обыкновенно в это время был самый ясный и солнечный; ни один лист в саду на дереве не шевельнулся, тишина была мертвая; даже кузнечики, в это время не переставали кричать, и слышны в саду. Но, признаюсь, если бы ночь самая бешеная и бурная, со всем адом стихий, наступил меня одного среди непроходимого леса, я бы не так испугался ее, как этой ужасной тишины среди безоблачного дня».

Вот такой именно голос, звавший его, и услышал Гоголь за несколько дней до смерти, — голос, которого он боялся с самого детства. На этот раз, он знал и был готов. Вызвал священника и просил соборовать себя, совсем перестал есть и принимать лекарство, все больше лежал и думал, и собравшись с последними силами ехал в церковь, выстаивал службу, долго молился.

В ночь на 12 февраля Гоголь съел вторую часть «Мертвых Душ». Было подозрение, что на этот страшный шаг он решился под влиянием своего наставника — изувера о. Матвей позже это отрицал, но признал, что Гоголь дал ему на отзыв свои тетради, — там, между прочим, был выведен священник, в котором о. Матвей без труда себя узнал, и образом этим остался недоволен; не понравился ему и какой-то выведенный в романе губернатор. Он посоветовал эту тетрадь не опубликовывать, — кто знает как был воспринят этот «совет» больным и ослабевшим писателем.

Сохранилось несколько рассказов о том, что произошло в комнате Гоголя в эту ночь. Вот известный рассказ Погудина:

«Ночью на вторник он долго молился один в своей комнате. В три часа позвал себе-

го мальчика и спросил его: тепло ли в другой половине его покоев? «Свежо», — ответил тот. — «Дай мне плащ, пойдем, мне нужно там распорядиться».

И он пошел со свечей в руке, крестясь во всякой комнате, через которую проходил. Пришел, велел открыть трубу, как можно тише, чтобы никого не разбудить, и потом подат из шкафа портфель. Когда портфель был принесен, он вынул оттуда связку тетрадей, перевязанных тесемкой, положил ее в печь и зажег свечей из своих рук. Мальчик, догадавшись, упал перед ним на колени и сказал: «Барин! Что это вы? Перестаньте!». «Не твое дело», — ответил он. «Молись!» Мальчик начал плакать и просить его. Он заметил это, вынул связку из печи, развязал тесемку и уложил листы так, чтобы легче было признаться огню, зажег опять и сел на стуле перед огнем, ожидая, пока все сгорит и истлеет. Тогда он, перекрестясь, воротился в прежнюю свою комнату, поцеловал мальчика, лег на диван и заплакал».

Гоголь и раньше сжигал произведения, которыми не был удовлетворен. В июле 1845 года он уже сжег несколько тетрадей «Мертвых Душ» и год спустя, в письме, так объяснил причины своего решения:

«Не легко было сечь пятилетний труд, производимый с такими болезненными напряжениями. Но все было сожжено, и притом в ту минуту, когда, видя перед собой смерть, мне очень хотелось оставить после себя хоть что-нибудь, обо мне лучшее напоминающее. Благодаря Бога, что дал мне силу это сделать. Как только пламя унесло последние листы моей книги, ее содержание вдруг воскресло в очищенном и светлом виде, подобно фениксу, из костра, и я вдруг увидел, в каком еще беспорядке было

то, что я считал уже порядочным и стройным».

12 февраля Гоголь снова сжег свою рукопись, которой был неудовлетворен. Но страдал он при этом безмерно и на следующий день, видимо, начал об этом жалеть. Жаловался, что предлагал отдать тетради на хранение гр. Толстому, но тот отказался. Толстой его успокаивал, сказав, что можно все восстановить по памяти. «Да, могу, могу: у меня все это в голове», — ответил Гоголь. В этот день он опять почти ничего не ел и долго стоял во время службы.

На следующий день Гоголь уже не мог встать. Большей частью он сидел, неподвижно глядя перед собой, ума о смерти. Толстой пытался его развлечь, начал что-то рассказывать об общих знакомых, но Гоголь его прервал:

— Что это вы говорите? Можно ли рассуждать об этих вещах, когда я готовлюсь к такой страшной минуте?

Мысль о смерти не оставляла его. В четверг он сказал:

— Надо меня оставить: я знаю, что должен умереть».

Его не оставляли. — зачастили доктора, начались консультации с участием московских знаменитостей. Он страшно исхудал, взгляд стал тусклым, пульс слабый. К лекарствам относился безразлично, но часто пил красное вино, разбавленное водой. Доктор Тарасенков оставивший очень ценные записи о болезни Гоголя, дает такой его портрет накануне смерти: «Лицо его было так же спокойно и так же мрачно, как и прежде: ни досады, ни огорчения, ни удивления, ни сомнения не показалось и тени. Он смотрел, как человек, для которого все задачи разрешены, всякое чувство замолкло, всякие слова напрасны; колеба-

ния в решении невозможны». Его терзали: ставили к нему пиявки, садили в теплую ванну, поливая при этом голову холодной водой, прикладывали мушки, горчишники. Хотели «магически» лечить больного, чтобы заставить его принимать пищу, но из этого ничего не вышло. Но настоянию священника Гоголь решил принять какое-то медицинское пособие, но как только присосудились к нему, он застал жалобно и взмолился: — Оставьте меня! Не мучьте меня!

Входили в комнату больного свободно, все, кто хотел, но он не поднимал глаз и только время от времени просил либо переворачивать себя, либо подать пить».

В самую последнюю ночь, по свидетельству дежурившего у постели д-ра Тарасенкова, после всех мучений «пульс делался все чаще и слабее, дыхание становилось все тяжелее. Его подняли с постели, посадили в кресло, уже голова его не держалась на плечах и падала машинально. Тут привязали к его шее, надели рубашку (он лежал в ванне голый), он только стонал. Когда его опять клали в постель, он потерял все чувства, глаза у него расширились безжизненно, пульс перестал биться, произошло хрипение. Этот обморок продолжался несколько минут».

Гоголь потом уже не открывал глаза, но дожил до утра. После полуночи ноги его начали холодеть, их стали обкладывать горячими хлебами.

В 8 часов утра дыхание прекратилось. Гоголь умер».

Баженов считает, что лечили Гоголя неправильно, — нужно было делать переливания крови, в ту пору неизвестное, прибегнуть к искусственному питанию, но ничего этого не сделали. — да и было, вероятно,

поздно. В какой-то степени Гоголь себя уморил, — он ждал смерти, ослабленный его организм не мог и не хотел сопротивляться. Навсегда останется открытым спор о том, был ли Гоголь человеком нормальным, или душевно-больным. Один из исследователей его болезни Г. Трошин пришел к выводу парадоксальному, но, быть может, самому правильному: умер душевно здоровый человек при явлениях душевной болезни.

Андрей Седых.

ВАШИНГТОН ОПРОВЕРГАЕТ ОБВИНЕНИЯ МОСАДЬКА

Вашингтон, 22 марта. Иранский премьер Мосадьяк уверял, что Вашингтон отказал Ирану в кредитах на 120 миллионов долларов потому что в Тегеране не пожелали принять условия Англии об Англо-Иранской компании.

Государственный департамент это заявление опровергает.

Кредиты не были открыты Ирану потому, что ему была предоставлена возможность погасить значительные средства от международного банка ОН, соглашавшегося взять на себя эксплуатацию нефтяных источников.

ЖИЗНЬ ПОДЕШЕВЕЛА НА 0,6 ПРОЦЕНТА

Вашингтон, 22 марта. — Статистическое бюро министерства труда сообщает, что впервые с июля прошлого года жизнь несколько подешевела, хотя всего только на шесть десятых процента.

Особенно важным фактором является снижение цен на съестные припасы, в среднем на 2,1 процента. — самое ошутливое снижение продовольственных цен с декабря 1949 года.